Жесткий, неумолимый выступ книжной полки Какаши-сенсея упирался ей в плечо, где она так тесно прижалась в углу, но Сакура не обращала на это внимания. Она не обращала внимания на Хэя, который крепко прижимался к её груди, поджав колени по обе стороны. Ее лоб прижимался к его плечам, в ее руках было теплое, дышащее существо.

Она не обращала на них внимания, потому что не могла проигнорировать то, что сказал ей господин Гозен.

Нет ничего хуже, чем когда тебе говорят что-то ужасное о том, что ты любишь, и ты не находишь способа оспорить это, кроме первобытного, эмоционального отрицания.

Но теперь, когда кто-то обратил на это внимание, разве это не странно? Целый клан был истреблен, но это так тихо ушло в историю, что Сакура почти забыла об этом. В этот момент она вспомнила несколько глупых замечаний, которые она сказала Сасукэ после того, как ее назначили в Седьмую команду. Это случилось, когда она была совсем маленькой, настолько маленькой, что ее впечатления от этого события ограничились ощущением беспокойства со стороны взрослых и длительным отпуском Сасукэ из Академии.

Это было еще до ее влюбленности, когда Ино была осью, на которой вращалась ее социальная жизнь. Она не обращала на это особого внимания, как и на то, что Шино несколько дней подряд болел, пока его организм пытался приспособиться к проживанию в колонии.

Перед тем как прийти к Какаши-сенсею, она отправилась в библиотеку и несколько часов просидела перед микрофильмом, читая последние выпуски "Коноха Дейли". Неделя была посвящена заголовкам статей, а потом это просто... исчезло из общественного сознания деревни, появляясь в газетах все дальше и дальше, пока не перестало упоминаться вовсе. Она проигнорировала грязный взгляд библиотекаря, когда достала рулон, в котором был выпуск газеты, вышедший ровно через год после резни, но в нем не было ни одного упоминания.

Как будто этого и не было.

Учиха Итачи, - прошептала она себе под нос. По интонации и смутному воспоминанию о том, что это имя она уже слышала, она пересказала его Гозен-сану, догадавшись, что он должен быть ей знаком. До появления газет она не знала, что он старший брат Сасукэ, хотя, прочитав их, вспомнила, что это имя она часто слышала в Академии. А потом она не узнала и ни на секунду не задумалась, почему.

Гибель клана, почти полностью выпавшая из народной памяти.

Сакура содрогнулась, гадая, что же еще так легко исчезло из известной ей истории.

Вопрос был не в том, верит ли она Гозен-сану.

Резня произошла. Это был неопровержимый факт.

Учиха Итачи был официально объявлен виновником. Так гласили газеты.

Люди не отнеслись бы к этому так быстро, если бы им больше нравилось, если бы Гозен-сан была одинока в своей неприязни к Учихе. Так гласила дедуктивная логика.

Вопрос заключался в том, хочет ли она вернуться к Гозен-сан, чтобы услышать, что еще скажет Жена Лиса. Жить каждый день с воспоминаниями, которые она принесет домой. Слышать то, что она не хотела слышать, о своей деревне и ее героях, в которых она отчаянно хотела верить, что они были хорошими людьми. Нет, не хорошими, а непогрешимыми. Но благодаря Какаши-сенсею ее вера в это уже была довольно слабой. Который приходил, но поздно. Всегда поздно.

Но если она не вернётся, говорила часть её сознания, это будет всё равно, что заманить паука в контейнер для посуды и засунуть его в шкаф. Какая-то часть ее сознания всегда будет чувствовать, что паук вырвался на свободу и ждет мести. Лучше убить его начисто, лучше знать, чем не знать.

Думать так было легко, но ни одна ее часть не хотела этого делать, так же как ни одна ее часть не хотела выходить на новое поле боя. Просто свернувшись в клубок, она все еще чувствовала полуреальную, полузабытую боль. Но она сделает это, думала она, пока ее слезы беззвучно впитывались в ткань жилета Хея.

Обязательно.

Она плакала, прижимаясь к Хей, пока не заснула, а проснувшись много-много часов спустя, обнаружила, что вокруг нее сгрудились нинкены. Это и душ, в котором она оттирала себя почти до сырости, придали ей достаточно мужества, чтобы отправиться к бабушке Кошмара. На этот раз она не стала стучать в дверь, потому что Гозен-сан уже на третий день разрешила ей зайти внутрь, не дожидаясь разрешения.

Когда она открыла дверь, старушка как раз пекла печенье; весь дом пропах теплым шоколадом. И Сакура почувствовала тошноту, встретившись с глазами Гозен-сан. "Это была не самая страшная история, правда?" - тихо спросила она.

В глазах Гозен Рэйдзи не было ничего мягкого, когда она ответила на ее вопрос. "Самые страшные истории - это не те, которые мы слышим в виде слов. Это те, которые мы чувствуем сердцем. Для меня самая страшная история...", - она сделала задумчивую паузу, и рука Сакуры скользнула к ее плечу, когда она поняла, что это может означать, что у Гозен-сан было так много плохих историй, что потребовалось столько времени, чтобы выбрать самую страшную.

"Самая страшная история, - сказал наконец Гозен-сан, - это история об эгоистичном мужчине и своевольной женщине, ради которых погибло множество сыновей и дочерей, лишь бы у них

был сын их собственной крови. Он знал, а она знала еще лучше, как тяжело это будет для печати, но они все равно сделали это, потому что были так сильны, горды и умны, что решили, что это их шанс. Но это было не так, не в конце концов. Так много погибших, и все потому, что у них не хватило ума усыновить и воспитать ребенка от сердца, а не от плоти. И он умер за это, но разве кто-то думал, что он получил именно то, что заслужил?"

Сакура была так неподвижна, что не была уверена, что вообще дышит, но взгляд Гозена-сана был устремлен куда-то в прошлое. "Нет, - тихо сказала она, голос ее был острее ножа Сакуры. "Нет. Они обелили его и то, что он сделал, и сделали из него героя", - усмехнулась она. "И именно поэтому это худшая история. Если в той ужасной ночи и было что-то искупительное, то хотя бы то, что они не стали делать из другого мученика".

"Кто же это был?" вздохнула Сакура.

"Это, - сказала Гозен-сан, - секретная информация".

Сакура подмигнула ей, чувствуя себя странно преданной.

"Не смотри на меня так, дитя", - сказала она. "Я злая, горькая старуха, но я буду хорошим шиноби до самой смерти. А это значит, что даже плохие приказы будут выполняться. А сейчас, - сказала она, - погода хорошая, так что для начала проветрите футоны".

http://tl.rulate.ru/book/100569/3441000